

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750010099-0

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИГИЛ ПОСЛЕ РАЗГРОМА ХАЛИФАТА

© 2020 Н. ЖЕРЛИЦЫНА

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Института Африки РАН; доцент Российского университета дружбы народов (ns_inafr@mail.ru)

Статья написана в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Резюме. В статье анализируется ситуация, сложившаяся после разгрома халифата ИГИЛ. Хотя физическое воплощение проекта ИГИЛ по государственному строительству было подавлено, но угроза восстановления радикальной группировки довольно высокая. Основной причиной, по которой международное джихадистское движение остается жизнеспособным, является внешняя обстановка - сохраняющаяся неспособность слабых государств навести порядок и скудный потенциал сил безопасности в ряде стран и регионов. Лидеры радикалов рассредоточивают боевиков и ресурсы в новые районы, где они могут вновь укрепиться и расшириться.

Ключевые слова: экстремизм, угрозы безопасности, ИГИЛ, международное джихадистское движение, халифат ИГИЛ, слабые государства, трансформация стратегии ИГИЛ

PROSPECTS FOR THE SPREAD OF ISIS AFTER THE DEFEAT OF THE CALIPHATE

Natalia A. ZHERLITSYNA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Associated Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (ns_inafr@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the situation that developed after the defeat of the Caliphate of ISIS. Although the physical implementation of the ISIS state-building project has been suppressed, the threat of the radical group's re-establishment remains very high.

The author concludes that the main reason why the international jihadist movement remains viable is the external situation - the continuing inability of weak States to restore order and the meagre potential of security forces in a number of countries and regions. Radical leaders disperse militants and resources into new areas where they can re-establish themselves and expand. An ideal territory for expansion is a weak state that suffers from constant civil conflicts and interfaith tensions, and also has a population susceptible to jihadist propaganda.

The main result of the collapse of the caliphate in the Middle East was the activation, expansion and transformation of local extremist movements throughout the region of South and Southeast Asia. In South Asia, Myanmar is an example of such a weak state affected by terrorist groups. The potential area for the growth of ISIS after the defeat of the caliphate is the disputed territory of Kashmir. The Philippines and Indonesia in many ways can be an attractive place to relocate ISIS fighters and build a base there. Afghanistan is a country torn by violence for decades, and, accordingly, it already has a developed infrastructure for jihad. On the Sinai Peninsula and in Libya, jihadists use similar methods: guerrilla tactics, terrorist attacks, including raids, ambushes and bombings. The author concludes that the ability of ISIS to adapt makes the threat of its further expansion very high.

Keywords: extremism, security threats, ISIS, international jihadist movement, ISIS caliphate, weak states, transformation of the ISIS strategy

После того как международные силы разгромили халифат ИГИЛ в Ираке и Сирии, внимание мирового сообщества переключилось на другие, не менее серьезные угрозы международной безопасности. Но можно ли говорить о том, что глобальное джихадистское движение побеждено? Во многих отношениях проблемы, связанные с последствиями халифата, будут еще более трудными для решения, чем сам физический халифат, который, по крайней мере, предоставил международному сообществу четкую цель для сосредоточения внимания и борьбы с ним.

Хотя попытки воплощения проекта ИГИЛ по государственному строительству были подавлены, нельзя сказать, что была ослаблена идеология, побуждающая людей примыкать к глобальному джихадистскому движению.

ИГИЛ - это, прежде всего, идеология. И те несколько лет, когда экстремисты управляли собственным квазигосударством, стали доказательством реальности воплощения их самой важной идеи - создания халифата.

Исход боевиков ИГИЛ из Ирака и Сирии положил конец очередному циклу активности террористических групп, ведущей свое начало с Афганского конфликта (1979-1989), в ходе которого зародилось глобальное джихадистское движение. Видоизменяясь и развиваясь, это движение продолжается уже более 30 лет, и сегодня у нас нет оснований считать, что эта угроза сошла на нет.

По состоянию на 2018 г., в мире насчитывалось около 230 тыс. салафитов-джихадистов, что на 247% больше, чем в 2001-2018 гг. [1]. Это означа-

ет, что т.н. «глобальная война с терроризмом» не смогла сократить число сторонников радикализма во всем мире, и в настоящее время действует больше экстремистских группировок, чем когда-либо, начиная с 1980 г.

Террористическое сообщество стало более густонаселенным, менее линейным в структурном отношении и более разнообразным в географическом плане. Помимо ИГИЛ, среди наиболее значительных из террористических групп значатся «Аль-Каида», «Боко харам» и «Аш-Шабаб». Это организации с ярко выраженной идентичностью, конкурирующие за лояльность, финансы и политическую поддержку со стороны тех, кто сочувствует их деятельности.

Наибольшую опасность вызывают те из них, которые стремятся к территориальному закреплению посредством создания «государств», именуемых «халифатом» или «эмиратом» - реальным или виртуальным. В основе политической идентичности всех этих групп лежит террор. Но даже теперь, когда проект экстремистов по государственному строительству в Сирии и Ираке закончился разгромом, нельзя терять времени, ожидая следующую попытку строительства халифата, будь то в Ливии, в Кашмире или Сомали.

Эксперты полагают, что ИГИЛ вновь восстанет, пусть даже под другим наименованием. Вынужденное возвращение от «государственной» к партизанской тактике, изначально присущей террористическим организациям, дает ИГИЛ возможность перегруппироваться, реорганизоваться, сэкономить ресурсы, закладывать фундамент для участия в будущих мятежах. Залогом возвращения ИГИЛ является основательная подготовка бойцов, способность организации к адаптации и развитию.

Но основной причиной, по которой международное джихадистское движение остается жизнеспособным, является внешняя обстановка - сохраняющаяся неспособность слабых государств навести порядок и скудный потенциал сил безопасности в ряде стран и регионов. Политические факторы в регионе стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), Африки и Южной Азии, которые способствовали подъему ИГИЛ, не изменились, а в некоторых случаях ухудшились.

Гражданские войны, экстремистская идеология, подпитываемая конфессиональными противоречиями, слабая легитимность режимов, экономическая отсталость и внешнее вмешательство в значительной степени определяют региональные повестки. ИГИЛ, скорее всего, пойдет по пути разветвления и организации филиалов в тех частях мира, в которых продолжает существовать

продолжительная нестабильность и недостаток безопасности.

При попытке ответить на вопрос, где ИГИЛ может возродиться в следующий раз, видимо, необходимо учесть то обстоятельство, что руководство новой организации наверняка учтет опыт «Аль-Каиды». После вторжения США в Ирак руководители группировки пришли к выводу, что для сохранения влияния идей «Аль-Каиды» в глобальных джихадистских кругах необходимо создать дочернюю группу в мусульманской стране, находящейся в осаде «неверных» [2].

Международное сообщество должно быть готово к появлению очередных филиалов ИГИЛ на новых территориях. Но если это действительно произойдет, то, скорее всего, не только благодаря осмысленному подходу командования, направленному на расширение, а прежде всего, в результате отсутствия в данной стране политической стабильности, высокому уровню политической или религиозной розни. В таких странах нормой, а не исключением, является решение проблем с помощью насилия.

Создание и расширение глобальной джихадистской сети не станет прямым результатом одних лишь усилий ИГИЛ. Эта экспансия будет носить, скорее всего, приспособленческую, паразитирующую природу. Идеальной территорией для экспансии является слабое государство, страдающее от постоянных гражданских конфликтов и межконфессиональной напряженности, а также имеющее восприимчивое к пропаганде экстремистов население.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В Южной Азии примером такого слабого государства, подверженного воздействию террористических групп, является **Мьянма**. Кризис рохинджа¹ в Мьянме, где мусульманское меньшинство подвергалось сначала притеснениям, а в 2017 г. стало жертвой массовой резни, может послужить мотивирующим фактором для экспансии радикалов по всей Южной и Юго-Восточной Азии [5].

«Аль-Каида» в лице своего филиала «Аль-Каида на Индийском субконтиненте» уже несколько лет сотрудничает с местными экстремистскими группировками. В январе 2018 г. власти Малайзии арестовали двух связанных с ИГИЛ граждан Индонезии, которые планировали убить буддийских монахов в отместку за «плохое» обращение с мусульманами рохинджа в Мьянме [3]. Акайед Улла, бангладешский иммигрант, взорвавший самодельную бомбу в метро в Нью-Йорке в декабре 2017 г.,

¹ Понятие **Кризис беженцев рохинджа** относится к массовой миграции из Мьянмы тысяч людей народа рохинджа и Бангладеш, прозванных международными средствами информации «людьми в лодках». Почти все, кто бежал, отправились в страны Юго-Восточной Азии (Малайзию, Индонезию, Таиланд и на Филиппины) на шатких лодках через воды Малаккского пролива и Андаманского моря (*прим. ред.*).

как утверждается, непосредственно перед поездкой в США посетил лагерь беженцев рохинджа [4].

Новый «филиал» в Мьянме позволил бы ИГИЛ получить многие преимущества от такого присоединения, и, прежде всего, расширение стратегического охвата и повышение легитимности группы в той части мира, где до сих пор она не имела значительного присутствия.

В настоящее время существует несколько серьезных препятствий для превращения Мьянмы в следующий экстремистский центр, особенно отсутствие материально-технической инфраструктуры, включающей поставки оружия, безопасные убежища и сеть посредников. В течение ближайших нескольких лет при условии постоянных усилий и помощи со стороны действующих боевиков ИГИЛ всего региона, включая Бангладеш, эта динамика может измениться.

Бангладеш является еще одной горячей точкой в Южной Азии с растущим присутствием террористических организаций. Она может оказаться в будущем связующим звеном между ИГИЛ и «Аль-Каидой».

Потенциальным районом роста ИГИЛ после разгрома халифата является спорная территория **Кашмира**, за которую ведут борьбу Индия и Пакистан и которая может стать благоприятной почвой для радикалов. В регионе уже действуют несколько экстремистских группировок, в т.ч. «Харакат уль-Муджахидин», «Лашкаре-Тайба» и «Джаиш-е-Мухаммад».

ИГИЛ может попытаться вовлечь своих боевиков в кашмирский конфликт, на который направлено повышенное внимание мусульман всего мира. Кроме того, поскольку присоединение Кашмира Пакистан считает своим священным долгом, растущее присутствие ИГИЛ на этой территории может принести группировке серьезную поддержку также со стороны некоторых пакистанских структур.

Уже долгое время Юго-Восточная Азия была рассадником исламского экстремизма и насилия, распространяемые группировками «Джемаа исламия», «Абу Сайяф» и «Исламский фронт освобождения Моро». Боевики-джихадисты, связанные с «Абу Сайяф» и другими, действующими в регионе группами, продемонстрировали удивительную способность самостоятельно финансировать свои организации, не нуждаясь в пожертвованиях из внешних источников, опираясь на различные виды преступной деятельности, включая грабеж, незаконную контрабанду и похищение людей с целью получения выкупа.

Географические особенности региона являются важным фактором. В некотором смысле они способствуют терроризму и мятежам, поскольку за порядком на островах, полуостровах и архипелагах, которыми усеян регион, уследить особенно трудно. Но, с другой стороны, география и помо-

гает властям в том смысле, что Филиппины и Индонезия удалены от полей сражений на Ближнем Востоке и рассредоточены на огромном расстоянии, что затрудняет боевикам концентрацию массовых сил в каком-либо одном районе.

Индонезия - самая густонаселенная мусульманская страна в мире, которая имеет давний опыт сдерживания экстремизма и радикализации. Вплоть до терактов 11 сентября 2001 г. она служила одной из нескольких ключевых баз для лидеров «Аль-Каиды». За последние несколько лет джихадистское насилие в Джакарте и других частях Индонезии постепенно утихло. А до этого одно за другим следовали нападения террористов-смертников на полицию и церкви. Глава антитеррористической службы Индонезии предупреждал о наличии спящих ячеек в каждой провинции страны [6].

Главным результатом крушения халифата на Ближнем Востоке стала активизация, расширение и трансформация местных экстремистских движений по всему региону. В попытке расширить свою деятельность в Индонезии ИГИЛ проводит агрессивную кампанию вербовки и распространения пропагандистской информации. «*Катиба Нусантара*», крыло ИГИЛ в Юго-Восточной Азии, было образовано малайзийцами и индонезийцами, воевавшими в Сирии [7].

Филиппины во многих отношениях могут оказаться привлекательным местом для перебазирования боевиков ИГИЛ и создания там базы. В этой стране существуют такие необходимые для распространения радикализма условия, как религиозная вражда и наличие местных повстанческих групп. Поддерживая местное недовольство, ИГИЛ может закрепиться на Филиппинах. Спецслужбам страны стало известно о том, что ИГИЛ отправила почти \$2 млн боевикам, участвовавшим в 2017 г. в боях за г. Марави [8].

Стремясь избежать такого сценария, в июле 2018 г. филиппинские власти, наконец, приняли решение о создании мусульманской автономии на юге страны [9]. Принятие «закона Бангсаморо» открыло путь для начала политического процесса урегулирования, снизив тем самым уровень поддержки исламистов местным населением.

Ядро джихадистов, активно воюющих на Филиппинах и в других странах Юго-Восточной Азии, относительно невелико, по сравнению с другими регионами, как в абсолютном, так и в относительном выражении. Хотя по мере того, как остатки халифата будут ликвидироваться, регион, вероятно, станет все более привлекательным для группы в качестве будущего плацдарма за пределами Ближнего Востока.

АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН

Афганистан является страной, раздираемой насилием на протяжении десятилетий, и, соответ-

ственно, уже имеет налаженные сети для обеспечения джихадистов всем необходимым для ведения боевых действий, что делает его привлекательным для террористов и террористических групп.

ИГИЛ появилось в Афганистане в 2014 г., а уже в январе 2015 г. было объявлено о создании его филиала - «*Вилаят Хорасан*», действующего в Афганистане и Пакистане. Костяк филиала образовали перебежчики из пакистанского отделения «Талибана». Пакистанские боевики помогли ИГИЛ закрепиться в афганских юго-восточных районах провинции Нангархар.

Головная организация поддержала филиал, усилив его примерно 200 боевиками из основной группировки, базировавшейся в Ираке и Сирии [10]. Вскоре после своего создания «*Вилаят Хорасан*» начал активно вербовать и принимать в свои ряды недовольных боевиков из «Талибана». К концу 2015 г. боевики «*Вилаят Хорасан*» захватили территории в провинциях Нангархар, Фарах и Гильменд. Значительно усиленная бежавшими из Сирии и Ирака остатками боевиков разгромленного халифата, в 2018 г. «*Вилаят Хорасан*» превратился в серьезную угрозу.

Всплеск насилия, чрезмерного даже по афганским стандартам, свидетельствует о жестокой конкуренции между «*Вилаят Хорасан*» и афганским «Талибаном». В мае 2019 г. ИГИЛ объявило о решении разделить «*Вилаят Хорасан*» на три отдельные организации по территориальному принципу. За «*Хорасаном*» останется пространство, включающее в себя Афганистан и - теоретически - часть Ирана. Зона действия «*Вилаята Пакистан*» будет охватывать территорию Пакистана, а «*Вилаята Индия*» - Индию и Кашмир [11].

После серии скоординированных и невероятно кровавых нападений на шиитское меньшинство Афганистана «*Вилаят Хорасан*» зарекомендовал себя как один из наиболее острых факторов нестабильности в этой стране, еще более усилив профессиональный элемент конфликта в этой стране. «*Вилаят Хорасан*» неоднократно вступал в столкновения не только с боевиками движения «Талибан», но совершал также нападения на афганские государственные органы и военных. Однако наиболее широко известен своими жестокими и безжалостными терактами в отношении афганских гражданских лиц, включая неправительственную организацию «Спасите детей» [12].

Атаки на гражданских лиц - часть стратегии ИГИЛ, как «наказание» тех, кто их не поддерживает. Суть этого подхода заключается в целенаправленных ударах по гражданским лицам, чтобы спровоцировать чрезмерную реакцию правительства, и также продемонстрировать гражданскому населению, что силы безопасности слабы, а государство нелегитимно. Ситуацию в Афганистане и Пакистане осложняет то, что «*Вилаят Хора-*

сан» - всего лишь одна из других действующих в регионе террористических групп, которых насчитывается более 20-ти.

СИНАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Из-за своего географического положения, исторического и культурного значения Египет слишком ценен для исламистских радикалов, чтобы его игнорировать.

Обширная, пустынная территория **Синайского полуострова** Египта уже давно является домом для контрабандистов, террористов и множества других антигосударственных субъектов. «*Вилаят Синай*» - местное подразделение ИГИЛ - с его децентрализованной структурой и гибридной стратегией нападения как на силы безопасности, так и на египетских гражданских лиц, можно охарактеризовать как партизанское движение, которое опирается на террористическую тактику, включая рейды, засады и взрывы бомб.

Группа продемонстрировала значительный оперативный потенциал, осуществляя регулярные массированные операции с использованием минных ловушек и организацией засад против сил безопасности. Ее главная цель - не дать правительству Египта установить свой контроль на Синае. Этот полуостров уже долгое время считается одним из самых безвластных районов мира.

Признаки слияния египетских группировок и ИГИЛ проявились уже в 2014 г., когда часть боевиков «*Ансар Баит Аль-Макдис*» присягнула на верность ИГИЛ и предприняла усилия по установлению связей с боевиками ИГИЛ в Ливии. Террористы ИГИЛ в Ливии и Египте обмениваются деньгами и оружием. Синай был критической территорией для боевиков и стал, по сути дела, одновременно убежищем и перевалочным пунктом для контрабанды оружия и различных товаров между Египтом и странами Магриба.

Боевики ИГИЛ на Синае регулярно вступают в столкновения с египетскими силами безопасности и в течение последних нескольких лет совершали нападения, в результате которых были убиты сотни египетских военнослужащих [13]. «*Вилаят Синай*» также продемонстрировал склонность к проведению эффектных терактов, о чем свидетельствует подрыв российского самолета в 2015 г. Группа несет ответственность за нападения на коптские христианские церкви и ракетные обстрелы Израиля.

С февраля 2018 г. египетская армия совместно с МВД проводит антитеррористическую операцию под кодовым названием «Синай-2018». Однако отсутствие внятной стратегии борьбы с повстанцами и общая оперативная слабость создают впечатление, что египетские вооруженные силы неспособны эффективно бороться с филиалом ИГИЛ на Синае. Это может привести к тому, что

группа, в конечном итоге, превратится в одну из сильнейших отделений организации, подобно тому, как произошло с йеменским филиалом «Аль-Каиды» - «АКАП».

Правительству Египта пока не удается справиться с анархией в этой части страны: слабым контролем обширной территории, экономической разрухой и автономией бедуинских племен. Жесткий подход Каира к борьбе с повстанцами не смог завоевать поддержку со стороны местного населения. Такая ситуация открывает путь для экстремистов. Охват и влияние радикалов имеют тенденцию распространяться и на другие районы страны.

ЙЕМЕН

Йемен вошел в зону интересов ИГИЛ еще при существовании халифата: в 2016 г. джихадисты создали тренировочные лагеря в г. Эль-Байда, в которых находилось до 100 боевиков организации [14]. После разгрома халифата это число начало расти, поскольку остатки боевых частей халифата направились в Йемен, пользуясь вакуумом власти из-за продолжающейся гражданской войны. В мае 2018 г. ИГИЛ впервые выдало инструкции своим бойцам выехать в опорный пункт группировки в Эль-Байде [15].

Тем не менее, нет никакой уверенности в том, что ИГИЛ найдет убежище в Йемене, стране, в которой доминирует организация «Аль-Каида на Аравийском полуострове». Еще в 2014 г. «АКАП» удалось сделать Йемен зоной своего преимущественного влияния. Во многом это удалось благодаря противопоставлению ИГИЛ, его чрезмерно жестоким методам. «АКАП» специально объявила, что, в отличие от ИГИЛ, ее боевики никогда не будут нападать на «мечети, рынки и людные места», тем самым добиваясь некоторой степени легитимности и поддержки среди гражданского населения Йемена [16].

По сравнению с ИГИЛ, «АКАП» является гораздо более мощной и влиятельной организацией, особенно в глубинных районах провинций Шабва и Абьян. Однако ИГИЛ продолжает попытки закрепиться в стране, сосредоточившись на вербовке местных жителей и поисках поддержки среди племен. Территории, на которых идут боевые действия, являются основными вербовочными площадками, поэтому представляется неизбежным, что ИГИЛ будет поддерживать, по крайней мере, устойчивое присутствие на низком уровне в Йемене в обозримом будущем.

ЛИВИЯ

Когда начался разгром халифата в Сирии и Ираке, местом, обладающим наибольшим потенциалом для воспроизведения его модели,

считалась растерзанная гражданской войной **Ливия**.

Страна фактически распалась на части, власть отсутствовала, территория была наводнена оружием и служила координационным центром и перекрестком для экстремистов всех мастей, базирующихся близ Европы. Это сочетание факторов превращало Ливию в потенциальный Афганистан образца начала 2000-х гг. Весной 2015 г. ИГИЛ начало расширяться на центральном побережье Ливии, захватив, в конечном итоге, и установив опорный пункт в г. Сирт. В декабре 2017 г. лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади приказал оставшимся боевикам сконцентрироваться на Ливии, чтобы компенсировать потерянные территории в Сирии и Ираке [17].

Утверждение ИГИЛ в Ливии ухудшило положение во всем Магрибе и соседнем Сахеле. Однако этой террористической организации не удалось существенно расширить свое влияние в регионе: большинство ливийцев не соглашались с ее идеологией, питало отвращение к ее жестоким методам и не доверяло ИГИЛ, считая эту группировку чужаком в Магрибе. Утрата Сирта вследствие совместной операции местного ополчения и авиации США изменила положение ИГИЛ, вытеснила джихадистов в пустынные районы Феццана и заставила искать новую стратегию по отношению к Ливии. Эта новая стратегия во многом схожа с той, которую организация практикует на Синае: партизанская тактика, террористические атаки, включая рейды, засады и взрывы бомб.

Перспективы присутствия ИГИЛ в Ливии будут зависеть в большой степени от успехов или краха государственного восстановления страны.

АФРИКА К ЮГУ ОТ САХАРЫ

Растущая угроза глобального джихадистского движения в настоящее время распространяется в глубь Африки, на обширные территории, включая Сахель, бассейн озера Чад, Большую Сахару и всю Восточную Африку: от Африканского Рога до Танзании и Мозамбика. И хотя «Аль-Каида» когда-то была главной экстремистской группировкой на континенте, множественные расколы и трещины привели к образованию целого ряда воинствующих группировок и изменчивых союзов.

ИГИЛ сохраняет присутствие в **Сомали**, хотя ее возможности бледнеют по сравнению с возможностями «Аш-Шабаб»: эта группировка неоднократно демонстрировала удивительную способность к самовосстановлению. И хотя сторонники ИГИЛ отчаянно пытаются закрепиться в Сомали, «Аш-Шабаб» довольно успешно лишает их пространства для действий и сводит к минимуму число новобранцев, перешедших на сторону конкурента.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА

* * *

Западная Африка традиционно была оплотом «Аль-Каиды». Однако с конца 2017 г. ИГИЛ набирает здесь силу и, чтобы вытеснить соперника, проводит агрессивную кампанию, готовясь к долгосрочному присутствию на всей территории Западной Африки.

Поведение «ИГИЛ в Западной Африке» в Нигерии и Нигере выглядит устрашающе. Оно все больше становится похожим на то, как группа строила свое государство в Ираке и Сирии, где она предоставляла местным жителям право на ограниченное самоуправление в обмен на возможность взимать налоги с местной экономики.

По мнению официальных лиц AFRICOM (Африканское командование вооруженных сил США), «ИГИЛ в Западной Африке» представляет собой более долгосрочную угрозу чем «Бoko Харам», которая считается специализирующейся, в основном, на Нигерии [18]. Будущее воинствующего радикализма в Западной Африке может зависеть от того, какая организация - ИГИЛ или «Аль-Каида» - способна объединиться с местными группировками и обеспечить более привлекательную альтернативу боевикам, возвращающимся домой с Ближнего Востока.

Таким образом, после потери халифата ИГИЛ, да и все мировое джихадистское движение, снова находится в движении [19]. Лидеры радикалов рассредоточивают боевиков и ресурсы в новых районах, где они могут укрепиться и расширить свое влияние, установив контроль над новыми территориями. ИГИЛ известно своей приверженностью к насилию, способностью собирать средства и изощренным пропагандистским аппаратом. Но, возможно, его главная сила, которая поможет ему выжить, является его готовность развиваться и изменяться в ответ на условия на местах.

В разработках будущих стратегий экстремистское исламистское движение будет опираться на «ностальгию» по халифату: да, Ракка пала, но ИГИЛ доказало своим последователям и всему миру, что, несмотря на огромное противодействие, можно построить джихадистское протогосударство, способное как управлять, так и защищать свои границы.

Конечно, это государство теперь повержено, но сам факт, что оно может быть создано, джихадисты доказали в 2014-2016 гг. Опираясь на эту реальность, ИГИЛ будет строить свою пропаганду в будущем. Никто больше не сможет сказать, что это в принципе невозможно.

Список литературы / References

1. The Evolution of the Salafi-Jihadist Threat. Current and Future Challenges from the Islamic State, Al-Qaeda, and Other Groups. *Center for Strategic and International Studies*. November 20, 2018. <https://www.csis.org/analysis/evolution-salafi-jihadist-threat> (accessed 10.02.2020)
2. Venter A.J. Al-Qaeda in the Islamic Maghreb. South Yorkshire: Pen and Sword Military, 2018. P. 24.
3. Malaysia arrests two ISIS militants over planned attacks. *The Straits Times*. 22.01.2018.
4. Byman D.L. What happens when ISIS goes underground? Brookings Institution. 18.01.2018. <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2018/01/18/what-happens-when-isis-goes-underground> (accessed 21.02.2020)
5. Подробнее см.: Симония А.А. «Плавающий остров» - новый дом для рохинджа? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9, с. 36. (Simonia A.A. 2019. «Floating Island» - a New Home for Rohingya? 2019. *Asia and Africa today*. № 9) (In Russ.)
6. Peel M. Militant Islamists shift focus to Southeast Asia. *Financial Times*. 18.07.2017.
7. Jones S. How ISIS transformed terrorism in Indonesia. *New York Times*. May 22.2018.
8. Murdoch L. Marawi uprising funded by \$1.9 Million from Islamic State. *Sydney Morning Herald*. 24.10.2017.
9. Cook E. What does Duterte's signing of the Bangsamoro Law mean? *The Diplomat*. 01.08.2018. <https://thediplomat.com/2018/08/what-does-dutertes-signing-of-the-bangsamoro-law-mean> (accessed 17.03.2020)
10. Grenshaw M. Transnational Jihadism and Civil Wars. *Daedalus*. № 146 (4). 2017. P. 63.
11. Ditz J. ISIS Splits Khorasan Affiliate, Announces New Groups Based in India, Pakistan. 15.05.2019. <https://news.antiwar.com/2019/05/15/isis-splits-khorasan-affiliate-announces-new-groups-based-in-india-pakistan> (accessed 06.03.2020)
12. Ghazi Z., Mashal M. Deadly ISIS attack hits an aid group, Save the Children, in Afghanistan. *New York Times*. 24.01.2018.
13. Ali Soufan. *Anatomy of Terror*. N.Y.: W.W.Norton, 2017, p. 172.
14. Kendall E. Impact of the Yemen War on Militant Jihad. *POMEPS Studies*. 12.01.2018. <https://pomeps.org/2018/01/12/impact-of-the-yemen-war-on-militant-jihad> (accessed 11.02.2020)
15. Frantzman S.J. After ISIS: America, Iran and the Struggle for the Middle East. Gefen Books. 2019, p. 214.
16. Benton C., Attwater C.G. Yemen and the challenge of al-Qaeda in the Arabian peninsula. London, Nova Science. 2013. p. 65.
17. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Трансформация стратегии «ИГИЛ» в Ливии? *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 12, с. 104. (Vasiliev A.M., Zherlitsina N.A. 2019. The transformation of strategy of the «Islamic State» in Libya in the absence of progress in restoring state. *World Economy and International Relations*. № 12) (In Russ.)
18. Morgan W. Behind the secret U.S. war in Africa. *Politico*. 02.07.2018.
19. Подробнее см.: Васильев А.М., Исаев Л.М., Ткаченко А.А., Кукушкин В.Ю., Жерлицына Н.А. Ситуация в Ливии и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6, с. 4-13. (Vasiliev A.M., Isaev L.M., Tkachenko A.A., Kukushkin V.Yu., Zherlitsyna N.A. 2020. Libya and interests of Russia. 2020. *Asia and Africa today*. № 6) (In Russ.)